

Г. Б. Романовский

доктор юридических наук, профессор
заведующий кафедрой уголовного права
Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

О ПОНЯТИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ (В ТРАДИЦИЯХ Г.Ф. ШЕРШЕНЕВИЧА)

Аннотация. В статье анализируется правовое регулирование порядка проведения медико-социальной экспертизы в Российской Федерации. Представлено понятие медико-социальной экспертизы, определены субъекты её проведения, исследованы Правила признания лица инвалидом. Выделены условия признания гражданина инвалидом. Подчёркивается, что итогом признания лица инвалидом является также разработка индивидуальной программы реабилитации. В качестве общего вывода указывается, что современный порядок проведения медико-социальной экспертизы имеет уклон в сторону регулирования деятельности соответствующих публичных органов и учреждений. Правовые акты не предоставляют корреспондирующих прав гражданам, а также эффективных способов и методов защиты нарушенных интересов. Сам гражданин, находясь в сложной жизненной ситуации, являясь социально уязвимым лицом, не может противостоять возможным нарушениям своих прав. Выход видится в активизации, с одной стороны, специализированных правозащитных организаций, занимающихся защитой прав пациентов, с другой – активизации саморегулирования в сфере здравоохранения.

Ключевые слова: медико-социальная экспертиза, право на охрану здоровья, инвалид, защита, эксперт, медицинский работник.

G. B. Romanovsky

Doctor of law, professor
Head of department of Criminal Law
Penza State University, Penza, Russia

MODERNIZATION OF LEGAL REGULATION OF CARRYING OUT MEDICO-SOCIAL EXAMINATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article deals with legal regulation of an order of carrying out medico-social examination in the Russian Federation. The concept of medico-social examination is presented, subjects of its carrying out are defined, Rules of recognition of the person are investigated by the disabled person. The disabled person allocates conditions of recognition of the citizen. Author emphasizes that a result of recognition of the person the disabled person is also development of the individual program of rehabilitation. As the common conclusion, it is specified that the modern order of carrying out medico-social examination have a bias towards regulation of activity of the appropriate public authorities and establishments. Legal acts do not provide the corresponding rights to citizens, and also efficient ways and methods of protection of the broken interests. The citizen, being in the difficult life situation, being socially vulnerable person, cannot resist to possible violations of the rights. The exit seems in activation, on the one hand, the specialized human rights organizations which are engaged in

protection of the rights of patients, another – self-regulation activation in the health care sphere.

Key words: medico-social examination, right to health protection, disabled person, protection, expert, medical worker.

Термин «власть» используется не только юриспруденцией. Феномен такого явления как власть является предметом изучения философов, психологов, историков, социологов. Почему одни управляют другими, почему необходимо определенное соподчинение. Власть стоит в центре другого феномена – Государство. Как писал Г.Ф. Шершеневич: «Характеризующий понятие о государстве момент власти, по своей важности и сложности, требует особого рассмотрения» [19, с. 14]. Необходимо привести определение классика немецкого конституционализма Георга Еллинека: «Государство есть множество людей, осевших на ограниченной части земной поверхности, живущих под господствующей властью и связанных этой властью в единое целое» [3]. Таким образом подчеркивалась исключительность государственной власти (монополия на власть в лице государственных органов), а также объединяющее и организующее начало. Сравнивая различные определения государства, нетрудно заметить, что в любом случае его родовым признаком будет государственная власть. Приведем некоторые из них. Т. Гоббс: «Государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты» [2]. Бенедикт Спиноза: «Наличие какой бы то ни было верховной власти (*imperium*) создает гражданское состояние, совокупное же тело верховной власти называется государством (*civitas*), а общие дела верховной власти, направляемые тем, в чьих руках верховная власть, именуются делами правления (*res publica*)» [17]. А.И. Герцен: «Государство – форма, через которую проходит всякое человеческое сожитие, принимающее значительные размеры. Оно постоянно изменяется с обстоятельствами и прилаживается к потребностям. Государство везде начинается с полного порабощения лица – и везде стремится, перейдя известное развитие, к полному освобождению его... Государство не имеет собственного определенного содержания – оно служит одинаково реакции и революции – тому, с чьей стороны сила» [8]. На памяти еще у большинства российских граждан марксистское определение государства – это машина подавления одного класса другим (классом эксплуататоров класса эксплуатируемых). Классифицируя многочисленные определения государства, А.С. Мамут подводит итог: «Вся громадная масса накопленных и циркулирующих общих представлений о государстве поддается рассортировке. Если ее произвести, то, пожалуй, четыре из числа получившихся групп таких представлений будут наибольшими по своим размерам и более всего привлекут внимание. Первую составят мысленные отражения признаков, выражающих публично-властную натуру государства. Вторую – мнения относительно его генезиса. Третью – взгляды, которые сфокусированы на внешний облик государства, на его композицию. Четвертую – соображения относительно его функциональных свойств, роли, выполняемой в жизни людей» [7]. И в данном выводе выделяется, в первую очередь, публично-властная составляющая государства.

Государственная власть является разновидностью социальной власти. Социальная власть традиционно воспринимается как возможность

навязывания воли. Краткий психологический словарь дает следующее определение воли: «Воля – сознательная саморегуляция субъектом своей деятельности и поведения, обеспечивающая преодоление трудностей при достижении цели; созданные субъектом дополнительные побуждения к внешним или внутренним действиям, обладающим недостаточной мотивацией» [4]. Соответственно власть может проявляться только в общественных отношениях, когда присутствует несколько субъектов. Иначе тогда возникает вопрос, кому должна «навязываться» воля? И одной из центральных проблем применительно к государственной власти выступает проблема носителя власти. Иными словами, кто является полномочным субъектом, обладающим монополией на власть? Продолжением этого вопроса будет также, почему именно этот субъект является носителем власти? Г.Ф. Шершеневич критиковал данную теорию, так как воля присуща только психическому индивиду, добавляя: «Неправильно представлять себе государственную власть, как волю. Сама по себе воля не есть еще власть. Мало того, что кто-то хочет навязать свою волю другому, – его воля может оказаться и бесильной. Власть предполагает способность сделать свою волю мотивом поведения других» [19].

Людовик XIV в эпоху своего проявления произнес сакраментальную фразу: Государство – это я. Абсолютизм позволял персонифицировать государственную власть применительно к одной личности, которой являлся монарх. Система управления в таком государстве выстраивалась на обеспечении воли одного человека – монарха. Нередко в таком государстве создавалась основа для тирании. Именно стремление недопущения тирании позволила ряду философов высказаться о необходимости разделения компетенции между органами. При этом разделение должно способствовать автономии каждой структурной единицы. Обладая ярко выраженной самостоятельностью, носитель власти будет сдерживать аналогичного себе, имеющего иную компетенцию. Так появилась теория создания системы сдержек и противовесов.

Конституции современных государств непосредственно формализуют понятие государственной власти. Статья 3 Российской Конституции закрепляет: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». Эта же статья предусматривает формы осуществления власти прямо, то есть непосредственно (через референдум и свободные выборы), а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Закреплены гарантии осуществления власти: Никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуются по федеральному закону. Аналогична по содержанию Конституция Федеративной Республики Германия: «Вся государственная власть исходит от народа. Она осуществляется народом путем выборов и голосований и через посредство специальных органов законодательства, исполнительной власти и правосудия» (статья 20). Преамбула Конституции Японии также категорична: «Государственная власть основывается на непоколебимом доверии народа, ее авторитет исходит от народа, ее полномочия осуществляются представителями народа, а благами ее пользуется народ».

Приведенные нормы указывают, что конституции предусматривают целый понятийный аппарат при характеристике государственной власти: «суверенитет», «источник власти», «носитель власти», «народ». Остановимся

на них более подробно. Классическое понятие суверенитета высказано Жаном Боденом, заключающееся в обладании властью, не связанной никакими законами. Последующие мнения также строились на тесной связи власти и суверенитета, что позволяло делать заключение о суверенитете как признаке государственной власти. Однако данный вывод несколько условен. Следует согласиться в этом контексте со следующим высказыванием: «Государственная власть может быть названа суверенной лишь условно, лишь постольку, поскольку она олицетворяет суверенность государства во всех случаях, кроме прямого народного волеизъявления. Суверенная власть связана правовыми нормами, составляющими принципы цивилизованного общества, причем это не только нормы внутригосударственного права, но и нормы международного права. Исходя из этого, даже самая высшая власть не может освободить себя от права, то есть выйти за пределы, установленные в правовых нормах» [1]. Иными словами не следует отождествлять понятие «суверенитет государства» и «суверенитет государственной власти», а точнее переносить первое на второе [13]. Постановка знака равенства как раз и позволит создать основу для злоупотребления властью, которая будет восприниматься как власть конкретного лица (пусть даже и занимающего самый высокий пост в иерархической служебной лестнице), не ограниченная никакими нормами. Персонификация государства в носителе государственной власти, каковым будет являться государственный орган или должностное лицо, недопустима [12]. Подобное приведет к размыванию понятия государственной власти и суверенитета. Иначе любой государственный орган сможет считать себя суверенным: сколько органов – столько и суверенитетов. Также любой государственный орган будет осуществлять свою государственную власть [14]. Соответственно суверенно только государство: «Его суверенитет означает, что оно имеет возможность в соответствии с установленной им самой процедурой без вмешательства извне определять свою внутреннюю и внешнюю политику» [11]. Такого же принципа придерживался Г.Ф. Шершеневич: «Следует, конечно, признать неправильным смешение суверенитета с государственной властью, потому что первое есть отрицательное понятие, как несовместимость подчиненности с верховностью, тогда как государственная власть имеет положительное содержание, как способность воздействия. Невозможно юридически соединять суверенитет государственной власти с каким-либо органом государства, например, монархом, потому что это вопрос факта» [19].

Признание факта, что государственные органы связаны правом, обусловило введение в оборот понятия «суверенитет народа». Представители теории естественного права утверждали, что свобода человека естественна и изначально не подлежит никаким ограничениям. Джон Локк писал: «Естественная свобода человека заключается в том, что он свободен от какой бы то ни было стоящей выше его власти на земле и не подчиняется воле или законодательной власти другого человека, но руководствуется только законом природы» [5]. Но при таком понимании свободы интерес каждого будет входить в противоречие с интересом другого. Как следствие – война всех против всех. Жан-Жак Руссо на основе этого сделал основополагающий вывод: «Если не один человек не имеет естественной власти над себе подобными, и если сила не создает никакого права, то в качестве основ всякой законной власти среди людей остаются соглашения» [16]. Так была высказана идея общественного договора. Когда каждый, понимая, что его свобода, наталкиваясь на свободу другого, может привести только к

взаимной вечной вражде. Для устранения этого и взаимного существования люди объединились и заключили общественный договор, в котором свобода естественная преобразовалась в свободу политическую. Право на силу, а точнее монополия на это право передано соответствующей системе, каковым и является государство. Нельзя здесь не упомянуть уже цитировавшегося Джона Локка: «Если кто-либо применяет силу без права – как это делает в обществе каждый, кто поступает беззаконно, – то он ставит себя в состояние войны с теми, против кого он ее так применяет; а в таком состоянии все прежние узы разрываются, все другие права недействительны и каждый имеет право защищать себя и сопротивляться агрессору» [5]. Если согласиться и признать «понятие суверенитет народа», то тогда термин «источник власти» будет связующим звеном между народом и государством. Народ, обладая суверенитетом, создавая государство, «освящает» его и этим признаком. Так, государство черпает свой суверенитет в источнике власти. Как справедливо отмечают авторы одного из Комментариев к Конституции России: «Признание народа носителем суверенитета означает, что именно народ как единое целое является основой государственности, источником власти в государстве, что он обладает верховенством в решении вопросов устройства государства и общества, учреждении системы публичной власти» [10].

Необходимо сказать о понятии народа, который является правовым термином, используемым как внутригосударственным правом (прежде всего, конституционным), так и международным. Статья 1 Международного Пакта об экономических, социальных и культурных правах закрепляет: «Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие». Аналогичное содержание статьи 1 Международного Пакта о гражданских и политических правах. В Преамбуле Российской Конституции указывается: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле... принимаем Конституцию Российской Федерации». В статье 3 Конституции Франции содержится следующая запись: «Национальный суверенитет принадлежит народу, который осуществляет его через своих представителей и посредством референдума. Никакая часть народа, никакая отдельная личность не могут присвоить себе его осуществление». Преамбула Основного закона Федеративной Республики Германия говорит об особом статусе народа: «Сознавая свою ответственность перед Богом и людьми, воодушевленный желанием служить делу мира во всем мире в качестве равноправного члена в объединенной Европе, немецкий народ в силу своей учредительской власти дал себе настоящий Основной закон».

Что отличает население определенной территории от народа как субъекта конституционно-правовых отношений, да и еще обладающий учредительской властью. Очень четко провел грань Георг Еллинек: «Единая государственная власть объединяет множество индивидов в единый народ. Это – единство народа как элемент государства, единство объединенной в государстве массы. Именно поэтому народ в юридическом смысле совершенно немыслим вне государства, подобно тому, как и территория возможна только в государстве как пространственная сфера его, – если же мыслить ее вне государства, то она представляется лишь политически безразличной частью земной поверхности» [3]. Из приведенного высказывания видно, что государственная власть является тем цементирующим веще-

ством, с помощью которого проявляется единство народа и государства. Государство черпает свою силу в народе, народ становится таковым благодаря единству государственной власти.

В научной литературе нередко возникают дискуссии при соотношении таких понятий как «нация» и «народ». В международном праве такая дискуссия актуальна из-за борьбы в рамках одного государства национального меньшинства за провозглашение своего государства. Следует, прежде всего, сказать, что в настоящее время нет ни одного мононационального государства. Почти всегда есть титульная нация, но не единственная, представляющая государство в целом. Всегда присутствуют компактные национальные общности. Естественно спор о том, кто является уполномоченным на самоопределение, имеет четкие последствия. Если нация, то значит объяснимы притязания любой нации на собственную самореализацию и создание государства. Если народ, то соответственно политический шантаж национального меньшинства не имеет под собой правовой основы потому, как должны учитываться интересы всего народа, а не отдельной группы [15]. Нация тогда реализует свое самоопределение через общее понятие – народ – в пределах уже существующего государства.

Достаточно подробно рассматривается понятие «народа» в коллективной монографии «Проблемы суверенитета Российской Федерации». В частности, дается общее определение: «...устойчивая общность совместно проживающих людей, общение которых основано на взаимопонимании и взаимоуважении, экономически взаимосвязанных и стремящихся к совместному социальному и политическому развитию, обеспечивающему равенство прав и свобод каждого». Исходя из этого, авторами рассматривается каждый из элементов определения:

1. Народ – устойчивая общность. В этом случае нельзя путать понятие «народа» и «населения». Должна присутствовать значительная интеграция – результат ставшего обычным общения лиц, для которых процесс взаимопонимания является необходимым и привычным для совместной организации быта и трудовой деятельности.

2. Экономическая общность – наличие для данного народа хозяйственного комплекса, обеспечивающего его развитие.

3. Социально-политическая общность предполагает единое видение собственного политического статуса [11].

Следующий термин, который необходимо рассмотреть в рамках данного исследования – это «носитель власти». Профессор А.Ф. Малый пишет, что носитель власти указывает на лицо, обладающее такой властью, таковым выступает «...человек или орган (совокупность людей), наделенный правом или имеющий реальную возможность оказывать организующее воздействие на других лиц» [6]. Но при таком подходе возникает вопрос, чем отличаются друг от друга понятия «носитель власти» и «субъект властеотношений». Наверно следует добавить, что употребление слова «носитель» имеет также идеологическую составляющую. Тем самым подчеркивается отчасти священный характер источника власти. Отсюда использование такого термина только по отношению к первичному субъекту, что подчеркивает учреждающий характер.

Приведенный терминологический ряд должен показать сложносоставляющий характер понятия «государственной власти». Различные точки зрения на элементы общего явления приводят к неизбежности различного толкования самого явления. Рассмотрим некоторые из них.

Авторы одного из первых обновленных учебников по конституционному праву России считают: «Государственная власть – это деятельность государства по осуществлению функций управления и руководства обществом, определяемая волей всего общества или отдельных его социальных слоев (классов, социальных групп), в которой используются различные методы влияния на управляемые объекты (убеждение, воспитание, принуждение, подавление и др.). Свою легитимность государственная власть приобретает посредством закрепления в конституции и последующей конкретизации в текущем законодательстве, ее природы, возможностей и пределов» [18]. Ключевым словом в определении государственной власти выступает «деятельность».

И.А. Петрухин пишет, что «... власть можно определить как целенаправленное воздействие человека, группы людей, государства на объект управления для удовлетворения своих потребностей и защиты своих интересов, осуществляемое путем принуждения или угрозы принуждения, а также путем и убеждения» [9]. Одновременно автором указывается, что власть – свидетельство силы, способности применить принуждение, если кто-нибудь будет ей противодействовать. В этом определении видно, что центральное место отводится «целенаправленному воздействию». В этом ключе понятно, что особая роль отводится принуждению.

Как видно из приведенных определений, государственная власть соотносится с такими понятиями как воздействие, сила, принуждение. Г.Ф. Шершеневич по этому поводу делал собственный вывод: «Можно иметь силу и не иметь воли властвовать – власти нет; можно иметь волю властвовать и не иметь силы – власти нет. Следовательно, власть есть комбинация силы и воли. Это самостоятельное понятие, не покрываемое ни одним из своих элементов. Итак, государственная власть есть основанная на самостоятельной силе воля одних (властвующих) подчинять себе волю других (подвластных)» [19].

А.Ф. Мальй, дав системный анализ содержания норм Конституции Российской Федерации, приходит к выводу, что государственная власть – это совокупность полномочий, при этом такое понимание, по мнению автора, «... позволяет ответить на вопрос о разделении власти по горизонтали и по вертикали, о единстве государственной власти и возможностях ее обеспечения, установить терминологическое единообразие в обозначении различных правовых категорий» [6]. Автор, по ходу работы, одновременно подчеркивает, что более логичным выглядит термин «разделение власти», а не «разделение властей». Делится не власть, а полномочия и процесс перераспределения полномочий может быть различным. Авторы учебника «Административное право Российской Федерации» еще более конкретны: «...государственная власть должна строиться на определенной функционально-компетенционной специализации, не нарушающей, однако, ее принципиального единства. Это означает, что именно власть в ее государственно-правовом выражении (юридически-властные полномочия) служит единой основой функционирования субъектов, олицетворяющих ту или иную ее ветвь. Все они – ветви единого «дерева». Но раздел властных функций между ними необходим, а потому и появились три ветви государственной власти, отличающиеся определенной степенью самостоятельности. Каждой ветви соответствуют субъекты (органы государственной власти), ее выражающие» [1]. И в данном случае Г.Ф. Шершеневич дал «точный диагноз»: «Учение Монтескье о разделении властей, отразившееся на пер-

вых французских конституциях и на американском политическом строе, в настоящее время понимается как разделение не самой власти, а функций ее, с вручением каждой функции особому органу» [19].

А.М. Энтин проводит связь между взаимозависимостью двух конституционных принципов уважения прав человека и разделения властей. Первый – своеобразный внешний механизм ограничения власти. Второй – внутренний, который препятствует чрезмерной концентрации власти, чреватой ее полным сосредоточением в руках одного лица или ограниченной узкой группы лиц, которая бы правила по своему усмотрению, не считаясь ни с правовыми предписаниями, ни с правами и свободами человека [20]. Таким образом препятствие злоупотреблению власти является существенно гарантией защиты прав человека, его свободы. Иными словами теория разделения властей – не узко организационно-технический принцип построения аппарата власти, а и политико-правовая доктрина, наполненная сложным содержанием. Г.Ф. Шершеневич, конечно, не мог сформулировать такой базовый принцип как уважение прав человека. Человечеству понадобилось еще две мировые войны, чтобы в 1948 г. во Всеобщей декларации прав человека ООН установить, что именно пренебрежение и презрение к правам человека привели к варварским актам, которые возмущают совесть человечества. Но и здесь слова выдающегося русского ученого выступают как пророчество и назидание потомкам: «Там, где власть опирается только на физические силы, она должна постепенно увеличивать давление, производить все новые впечатления силы, иначе получится представление, что власть не действует, что ее просто нет». Далее автор указывает: «Главный источник силы государственной власти – сочувствие населения, основанное на сознании необходимости государственного порядка и на одобрении настоящей формы государственной организации. Для этого деятельность государственной власти должна находиться в согласии с общественным мнением и настроением» [19].

Приведенные многочисленные определения раскрывают различные стороны содержания и проявления власти. Наверно было бы нелогичным, отмечая какое-то из них, говорить, что только одно соответствует общему пониманию и подлежит объективному закреплению в том или ином нормативном акте. Данный тезис служит, по-видимому, одним из оснований того, что понятие «государственной власти» отсутствует как в Конституции России, так и в законодательных актах. Нормативно закрепив его, государство тем самым ограничило бы само проявление власти. Однако вышеизложенное позволяет сделать ряд выводов:

1. Государственная власть является неотъемлемым признаком государства, а также разновидностью социальной власти. Суверенитетом обладает государство, а не государственная власть.

2. Существуют различные точки зрения на понятие государственной власти. Одни исходят из того, что это функция, вторые – деятельность, третьи – воля. В конституционном праве нередко государственная власть отождествляется с системой специальных органов и должностных лиц.

3. Второй приведенный вывод указывает, что государственная власть институализируется через систему государственных учреждений, которые определяются как специально уполномоченные субъекты.

4. Одной из гарантий недопущения злоупотреблений в системе государственно-властных отношений является разделение власти как по горизонтали (разделение власти на законодательную, исполнительную и судеб-

ную), так и по вертикали (разграничение компетенции между различными уровнями власти – Федерация и субъект Федерации, центральные и местные органы).

Список использованной литературы

1. Алехин А.П. Административное право Российской Федерации / А.П. Алехин, А.А. Кармолицкий, Ю.М. Козлов. — М. : ИКД «Зерцало-М», 1996. — 608 с.
2. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Сочинения: В 2 т. / Т. Гоббс. — М.: Мысль, 1991. — 650 с.
3. Еллинек Г. Общее учение о государстве / Г. Еллинек. — СПб. : Н. К. Мартынов, 1908. — 626 с.
4. Краткий психологический словарь / под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. — М. : Политиздат, 1985. — 430 с.
5. Локк Дж. Сочинения в трёх томах: Т. 3 / Дж. Локк. — М.: Мысль, 1988. — 668 с.
6. Малый А.Ф. Органы государственной власти области: проблемы организации / А.Ф. Малый. — Архангельск: Изд-во Помор. гос. ун-та, 1999. — 239 с.
7. Мамут А.С. Государство в ценностном измерении / А.С. Мамут. — М. : НОРМА, 1998. — 45 с.
8. Мир философии: Книга для чтения в 2-х частях. Ч. 2. Человек. Общество. Культура. — М. : Политиздат, 1991. — 624 с.
9. Петрухин И.Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью) / И.Л. Петрухин. — М. : Юристъ. — 1999. — С. 94-96.
10. Постатейный научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации коллектива ученых-правоведов под руководством ректора МГЮА, академика РАН О.Е. Кутафина. М., 2003 / СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.garant.ru/> (дата обращения: 28.04.2015).
11. Проблемы суверенитета в Российской Федерации / Л.В. Андриченко, И.П. Ильинский, Б.С. Крылов, Н.А. Михалева. — М. : Республика, 1994. — 175 с.
12. Романовская О.В. Государственный контроль за выполнением организациями частного права отдельных государственно-властных полномочий / О.В. Романовская // Государственный аудит. Право. Экономика. — 2012. — № 3. — С. 80-88.
13. Романовская О.В. К вопросу о делегировании государственно-властных полномочий / О.В. Романовская // Правоведение. — 2011. — № 5. — С. 154-171
14. Романовская О.В. Надзор за эффективностью делегирования государственно-властных полномочий / О.В. Романовская // Законность. — 2010. — № 1. — С. 8-11.
15. Романовская О.В. Правовой статус общин коренных малочисленных народов / О.В. Романовская // Гражданин и право. — 2010. — № 9. — С. 9 — 17.
16. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре / Ж.-Ж. Руссо. — СПб. : Изд. дом Жуковского, 1907. — 247 с.

17. Спиноза Б. Политический трактат об усовершенствовании разума / Б. Спиноза. — М. : Хар., 1998. — 864 с.
18. Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран / В.Е. Чиркин. — М. : Институт государства и права Российской Академии Наук, 1997. — 568 с.
19. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права / Г.Ф. Шершеневич. — М. : Издание бр. Башмаковых, 1910. — 326 с.
20. Энтин Л.М. Разделение властей: опыт современных государств / Л.М. Энтин. — М. : Юридическая литература, 1995. — 176 с.

References

1. Alekhin A.P. Karmolitskii A.A. Kozlov Iu.M. *Administrativnoe pravo Rossiiskoi Federatsii* [Administrative law of the Russian Federation]. Moscow, IKD «Zertsalo-M» Publ., 1996, 608 p.
2. Gobbs T. *Leviafan, ili Materiia, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo. Sochineniia: V 2 t.* [Leviathan, or Matter, form and power of the state church and civil. Compositions: In two vol.]. Moscow, Mysl' Publ., 1991, 650 p.
3. Ellinek G. *Obshchee uchenie o gosudarstve* [The general doctrine about the state]. Saint Petersburg, N. K. Martynov Publ., 1908, 626 p.
4. Petrovskii A.V., Iaroshevskii M.G. *Kratkii psikhologicheskii slovar'* [Short psychological dictionary]. Moscow, Politizdat Publ., 1985, 430 p.
5. Lokk Dzh. *Sochineniia v trekh tomakh: T. 3* [Compositions in three volumes: vol. 3]. Moscow, Mysl' Publ., 1988, 668 p.
6. Maliy A.F. *Organy gosudarstvennoi vlasti oblasti: problemy organizatsii* [Public authorities of area: problems of the organization]. Arkhangelsk, Izd-vo Pomor. gos. un-ta Publ., 1999, 239 p.
7. Mamut L.S. *Gosudarstvo v tsennostnom izmerenii* [The state in valuable measurement]. Moscow, NORMA Publ., 1998, 45 p.
8. *Mir filosofii: Kniga dlia chteniia v 2-kh chastiakh. Ch. 2. Chelovek. Obshchestvo. Kul'tura.* [World of philosophy: The book for reading in 2 parts. P. 2. Person. Society. Culture]. Moscow, Politizdat Publ., 1991, 624 p.
9. Petrukhin I.L. *Chelovek i vlast' (v sfere bor'by s prestupnost'iu)* [The person and the power (in the sphere of fight against crime)]. Moscow, Iurist" Publ., 1999, pp. 94-96.
10. *Postateinyi nauchno-prakticheskii kommentarii k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii kollektiva uchenykh-pravovedov pod rukovodstvom rektora MGIA, akademika RAN O.E. Kutafina. M., 2003* (The itemized scientific and practical comment to the Constitution of the Russian Federation of group of scientists-jurists under the leadership of the rector of MGIA, the academician of the Russian Academy of Sciences O. E. Kutafin. M., 2003). Available at: <http://base.garant.ru/>
11. Andrichenko L.V., Il'inskii I.P., Krylov B.S., Mikhaleva N.A. *Problemy suvereniteta v Rossiiskoi Federatsii* [Sovereignty problems in the Russian Federation]. Moscow, Respublika Publ., 1994, 175 p.
12. Romanovskaya O.V. State control over the implementation of private law of separate state powers of authority by the organizations. *Gosudarstvennyi audit. Pravo. Ekonomika = State audit. Law. Economics*, 2012, no. 3, pp. 80-88 (in Russian).

13. Romanovskaya O.V. To a question of delegating of state powers of authority. *Pravovedenie* = *Pravovedenie*, 2011, no. 5, pp. 154-171 (in Russian).
14. Romanovskaya O.V. Supervision of efficiency of delegation of state – imperious authorities. *Zakonnost'* = *Legality*, 2010, no. 1, pp. 8-11 (in Russian).
15. Romanovskaya O.V. Legal status of communities of indigenous ethnic groups. *Grazhdanin i pravo* = *Citizen and law*, 2010, no. 9, pp. 9-17 (in Russian).
16. Russo Zh.-Zh. *Ob obshchestvennom dogovore* [About the public contract]. Saint Petersburg, Izd. dom Zhukovskogo Publ., 1907, 247 p.
17. Spinoza B. *Politicheskii traktat ob usovershenstvovanii razuma* [The political treatise about enhancement of reason]. Moscow, Khar. Publ., 1998, 864 p.
18. Chirkin V.E. *Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran* [Constitutional law of foreign countries]. Moscow, Institut gosudarstva i prava Rossiiskoi Akademii Nauk Publ., 1997, 568 p.
19. Shershenevich G.F. *Obshchaia teoriia prava* [The general theory of law]. Moscow, Izdanie br. Bashmakovykh Publ., 1910, 326 p.
20. Entin L.M. *Razdelenie vlastei: opyt sovremennykh gosudarstv* [Division of the authorities: experience of the modern states]. Moscow, Iuridicheskaya literatura Publ., 1995, 176 p.

Информация об авторе

Романовский Георгий Борисович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная 40, Россия, e-mail: vlad93@sura.ru.

Authors

Romanovsky Georgy Borisovich — Doctor of law, professor, Head of department of Criminal Law, Penza State University, 40 Krasnaya Street, Penza, 440026, Russia, e-mail: vlad93@sura.ru.